Василий-королевич (Козарин)

И во городе было королевьскоём,
Во земли было да королевьское:
Истопили да парну баёнку,
Они мылись-умывалисе.
Вышла Елена в сени простудитисе,
А во новы прохлонутисе...
И приежджало да три тотарина —
Увезли Елену да королевисьню
По цисту полю широкому.
Тут отець-мати Василья да не возлюбили,
Ище род-племя Василья да ненавидели.
Тут пошол Василей-королевиць-от,
Тут пошол он на конюшин двор
Выбирать себе лошадь добрую.
На перво́го коня руку кинул — кон[ь]-от с ног же пал;
На второго коня кинул — да во землю́ зашёл;
На третьёго коня кинул — не пошавелилса.
И наложил Василей уздицю-ту тесмянную,
И выводил коня, да лошадь добрую,
И обседлал седёлышком тесмянныим.
Тут садилса Василей да королевиць-от,
Он садилса на добра коня —
Тут и поехал Василей да по цисту полю,
По цисту полю широкому.
И приехал Василей да королевиць-от
Ище к той да реки огнянной.
И удробело у Василья да ретиво серьцё,
И опустились да руки белыя,
Подломились да ноги резвыя.
Тут и спроговорит конь, да лошадь добрая,
Он тем же языком руськиим:
«Ты не бойсе, Василей да королевиць-от,
Ты дёржись-крепись да за добра коня!..»
Конь скоцил — он перескоцил
Он ту же да реку огнянну.

Тут и ехал Василей да королевиць-от
А по цисту полю широкому.
Тут и подъехал Василей да королевиць-от
Он ко той же да крутой горы:
Как крута гора в нёбо ввиваицьсе.
И удробело у Василья да ретиво серьцё,
И подломились у Василья да ноги резвыя,
И опустились у Василья да руки белыя.
Тут спроговорит конь, да лошадь добрая:
«Ты не бойсе, Василей да королевиць-от,
Ище той да крутой горы, —
Ты дёржись-крепись да за добра коня!»
Конь скоцил — да полгоры зашол,
Он другой раз скоцил — да на гору зашол.
Тут поехал Василей да королевиць-от
Он по той же да по крутой горы
И по цисту полю широкому.
Тут увидял Василей да королевиць-от:
Во чистом поли стоит да белой шатёр.
Тут и подъехал Василей да ко белу шатру.
В том белом шатру сидит да три тотарина;
Они сидят, они дел делят:
На первой пай кладут да цисто серебро,
На второй пай кладут да красно золото,
На третей пай кладут да красну девицю.
Как девиця сидит, слезно уливаицсэ,
А трубцятой косой да утираицсэ.
И первой тотарин тешит девицю:
«Ты не плаць-ко-сь, девиця, да душа красная;
Если ты мне-ка, девиця, да ты достаниссэ —
А я увезу тебя в землю неверную,
Да ты будёшь меньша сноха, да поломойниця!»
Тут девиця сидит, слезно уливаицсе,
А трубцятой косой да подтираицьсе.
Как второй тотарын тешит девицу:
«Ты не плаць, девиця, да душа красная;
Если ты мне-ка достаниссе —
Уж ты будёшь больша сноха, да платомойниця!»
Тут девиця сидит, слезно уливаицьсе,

А трубцятой она косой да подтираицсэ.
Как трете́й тота́рин да тешит девицю:
«Ты не плаць-ко-сь, девиця, да душа красная;
Если ты мне-ка достаниссе —
А увезу тебя в землю неверную.
Ище есь у мня состроёна нова горниця,
В новой горници кро́вать тоцёна,
А над кроватью три спицьки да позолоцёны:
А [на] первой-то сп[и]ц[ь]ки веснёт белой плат,
А на второй-то сп[и]ц[ь]ки веснёт да плётка шолкова,
А на третьей-то сп[и]ц[ь]ки — да сабля вострая;
Я срублю те буйну голову,
Уж я буду да тебя жарити,
Уж я жарити буду, кушати,
На дубовом столи да буду рушати!»
И тут у Василья розболелось да ретиво серьцё.
И роскипелась да кров горечая
И у того же коня, да лошадь доброе —
Конь скоцил да на белой шатёр.
Как первого-то тотарина конём стоптал,
А второго-то тотарина копьём сколол,
Уж как третьёго тотарина — саблей вострое.
Тут выходила девиця, да душа красная
Из того же она да из бела шатра;
Она падала добру коню во резвы ноги
И добру молоцьцю во резвы ноги.
Они собрали золоту казну
И склались и поехали.
Они ехали по цисту полю;
Не видели и они дак не крутой горы,
И не видели они да реки огнянной.
Ище стала их ведь ноць сустыгать.
Тут проговорит Василей да королевиць-от:
«Уж мы будём-ко, девиця, и ужну́ варить,
Мы ужну варить да будём грех творить».
Тут отвецяла девиця, да душа красная:
«Ты как хошь, дак доброй молодець».
Они сели ведь кушати,
Они стали друг у дружки спрашивать:

«Ты какого города, какой земли?» —
«Я из города королевьского,
Из земли-то я королевьское».
Дак Василей говорит девици, да души красное:
«Ище видно же, девиця, да душа кра[с]ная,
Ище ты мне-ка — родна сёстра!
Тут сёстра родна поедёт к дому да благодатному.
И увидают нас из окошоцька,
И выскоцят, отворят воротецька,
Отфёрнут вереюшки точёныя
И отворят воротецька стекляныя;
Ще выскоцит отець-матушка,
Тут подхватят Елену да королевисьну
И вытащат те в нову горницу,
И оставят миня, да добра молоцьця,
Ище с тем же конём, да лошадь доброе!..»
Тут и приехал Василей да королевиць-от
К своёму-ту дому да благодатному.
Увидали они да из окошецька
И выскоцили — отець-матушка.
Отвёрнули вереюшки тоцёные
И отфореют воротецька стекляные;
И тут стрецеют Елену да королевисьню,
И подхватили ей за белы руки
И утащили да в нову горницю...
А меня, добра молоцца, тут оставили.
Тут говорила Елена да королевисьня:
«Вы зачем же ёго да вы оставили?
Кабы не братилко мой — дак не бывать
Мне-ка да на Святой Руси,
На Святой Руси и живой не быть!..»
Тут побежали и отець-матушка
Они стрецеть Василья да королевиця.
Им сказал Василей да королевиць-от:
«А на приездинах гостя да не употчовали —
А на поездинах гостя да не употчовати!»
Тут выводил Василей да королевиць-от
Он и своёго коня, да лошадь добрую,
Тут садилса Василей да королевиць-от.

И не видали, куды поехал же.

(Зап. А. Д. Григорьевым 29 июля 1901 г.: д. Погорелец Погорельской вол. — от Ру́жниковой Маремьяны Михайловны, 80 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.